

ВОССТАВШЕЕ ЗЛО
РУССКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

НИКОЛАЙ
БАХРОШИН

За пять
МИНУТ
ДО

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б30

Художник Андрей Мозгалеvский

Бахрошин, Николай Александрович.

Б30 За пять минут до / Николай Бахрошин. —
Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-096741-4

Представь, что первый раз ты родился миллион лет назад, а потом много раз умирал и воскресал в новом теле. Ты враждовал с неандертальцами, видел гибель Атлантиды, завоевывал мир вместе с Александром Македонским, пировал с опричниками Ивана Грозного. Ты уже был вождем, царем, пророком и знаешь цену человеческой суетности...

Альберту Обрезкову не надо ничего представлять, он отчетливо помнит все свои прошлые жизни. Но кто сказал, что реинкарнация свойственна только людям? Древнее зло тоже находит новое воплощение и опять грозит миру. Приходит время платить за ошибки прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096741-4

© Бахрошин Н.А., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

«А я скажу ему так: выслушай меня, Бог Богов Кун-Кеаль, выслушай и не гневайся на меня... Нет, не так... О, Великий Змей Кун-Кеаль, скажу я ему, ты настолько могуч, что каждым вечером проглатываешь остывающее солнце и каждое утро, напитав его пламенем своего сердца, снова извергаешь светило огненным! От движения твоего хвоста дрожат горы, а взмах твоих крыльев рождает бурю! Тебе, Кун-Кеаль, подвластно все сущее, ты вращаешь небо и колеблешь землю, твоя радость заставляет цветы распускаться и деревья — плодоносить, твой гнев овеивает живущих ледяным дыханием смерти... Да, именно так и скажу... Отдай мне мою Мицкель, Великий Змей Кун-Кеаль, и я буду служить тебе вечно, клянусь!»

Задумавшись, он вскочил с камня, словно уже предстал перед всевидящими глазами Бога. Видел и бесконечные переборы сверкающей чешуи, и ослепляющую радуугу перьев. Чувствовал на лице обжигающий ветер его дыхания, которое может оживлять мертвых и убивать живых.

«Да и рассуди сам — зачем тебе Мицкель, Кун-Кеаль? У тебя ведь так много красавиц! Каждый год жрецы наряжают семь самых красивых девушек и семь самых мужественных юношей и сталкивают их в пасть вулкана То-тьель, чтобы ты, Кун-Кеаль, не гневался на народ но-ньяхо. А Мицкель... Она

даже не самая красивая, ты знаешь это! Ты сам видишь — и рост у нее невысокий, и нос с горбинкой, и ягодицы маленькие, как у юноши. Не перекатываются при ходьбе так призывно, как у красавицы Нанцли, чья походка вызывает в мужчинах волны желаний... Почему Нанцли не отобрали для жертвы, если даже Солнце смущается, глядя на ее улыбку?! А Мицкель... Девушка-подросток — так ее называют, именно так... Зачем тебе такая маленькая женщина, Кун-Кеаль? — начал он снова. — Нет, не так — зачем тебе маленькая, нескладная девочка, Великий Бог? Ведь вокруг тебя множество рослых и стройных девушек, чьи бедра круглы и гладки, чьи груди остры и упруги, чьи волосы длинны и нежны на ощупь, как шерсть молодой козы...»

На мгновение он запнулся, словно почувствовав на себе обиженный взгляд Мицкель. «Ты считаешь меня некрасивой, Енрик? Неужели ты действительно считаешь меня некрасивой?» — отчетливо прозвучал в ушах родной взволнованный голосок.

«Нет, нет, любимая, не слушай меня! Это не для твоих ушей, это — для Кун-Кеаля! Конечно, ты самая...»

Положа руку на сердце, на Мицкель мужчины тоже смотрели пристально и внимательно, хотя смотреть вроде бы не на что.

Удастся ли обмануть Бога? Убедить, что Мицкель не хороша для него?

Енрик верил и не верил в это. И без конца проговаривал про себя одно и то же, подыскивая лучшие, самые убедительные фразы для Кун-Кеаля. И, разумеется, отдельные слова для его жены, богини-змеи Куны-Кео, что каждое утро проглатывает луну и каждый вечер снова выплевывает ее в небо. Куну-Кео нужно привлечь на свою сторону в первую оче-

редь, понимал Енрик. Она — женщина, а женщины лучше и охотнее понимают страдание сердец.

В горячей путанице вымышленных речей Енрик опять забыл, что собирался отдохнуть и перекусить. Двинулся дальше к вершине вулкана, оставляя на камнях кровавые следы. Легкие сандалии стерлись и развалились уже давно, горные тропы в кровь избили-изрезали ступни и голени. Первое время он еще пытался обертывать ноги кусками одежды, потом бросил это занятие. Просто шел, не обращая внимания на сбитые ноги и голодное бурчание в животе.

Что ему телесная боль? Боль — судорога жизни, а жить ему незачем, если Кун-Кеаль не отдаст обратно Мицкель. Его любимую, его единственную принесли в жертву Великому Змею!

Пусть ему сейчас плохо, это даже хорошо, что плохо. Чем хуже, тем лучше. Муки тела — тоже жертва богам. Сначала ты отдаешь им свое страдание, потом — свою жизнь. Так в мудрости своей вездесущей устроили этот мир Великий Змей Кун-Кеаль и верная жена его, Богиня-Змея Куна-Кео. А почему так, почему в жизни человеческой должно быть больше страданий, чем радостей, не знают даже жрецы из Круга. Но им, Богам, конечно, виднее...

Часть 1.

НАСЛЕДСТВО

1.

Телефон звонил...

Все звонил и звонил, надрывался под самым ухом, а я не мог до конца проснуться. Как будто еще дышал разреженным воздухом высокогорья, чувствовал колкие иглы холода, видел жгучее солнце в синеве неба, цепь заснеженных пиков на горизонте и резкие, ломаные тени от скал и камней.

Долгий изнуряющий подъем на вулкан, сернистое, вонючее дыхание жерла, и я, бросающийся туда с раскинутыми руками и верой в скорую встречу с Мицкель, что прекраснее и желаннее всех красавиц на свете.

«Моя любимая, моя маленькая жена, я иду за тобой! Иду к тебе!»

Кричал? Наверное. Отчетливо запомнилось пронзительное ощущение полета, упругие ладони ветра, неожиданно больно сжавшие тело. Неровные растрескавшиеся уступы стен, что раньше, сверху, выглядели почти гладкими.

Больше ничего не помню. Скорее всего, ударился о какой-то выступ. Или умер на лету от разрыва сердца, тоже бывает. Слишком глубокое жерло

оказалось у вулкана То-тгель, младшего, сердитого брата Великого Змея Кун-Кеаля.

В сущности, это была очень короткая жизнь. Ничем не примечательная жизнь молодого воина но-ньяхо, так и не обрызгавшего себя кровью врагов. Воин, который никого не убил, — это еще не воин, это даже не половина воина, так говорили старики но-ньяхо. Пожалуй, только любовь к Мицкель, огромная любовь к маленькой женщине выделила Энрика среди других. Отправиться просить всемогущего Бога отдать предназначенную ему жертву, решиться на такое в те времена, когда люди отчетливо сознавали свое ничтожество перед лицом высших сил, — поступок, конечно.

Где же это произошло? Похоже на Южную Америку. Анды... Остается вопрос — когда в южноамериканских горах жили но-ньяхо, поклонявшиеся богу-змею Кун-Кеалю и богине-змее Куне-Кео?

Напоминает Кецалькоатли, пернатого змея ацтеков. Я где-то читал, что его первые изображения археологи датируют пятнадцатым веком до нашей эры и пребывают в недоумении по этому поводу. Ацтеков тогда еще не было и в помине, так что получается загадка истории. Похоже, это как раз изображения Кун-кеаля, а не Кецалькоатли, просто время не сохранило памяти ни о народе но-ньяхо, ни о его богах. Она, история, вообще сохраняет на удивление мало. По моему внутреннему ощущению, молодой воин Энрик и маленькая Мицкель, эти Ромео и Джульетта древних веков, жили еще до того, как египтяне объявили первый тендер на строительство пирамиды. Вопросы хронологии — всегда сложно и путано.

За последнее время я несколько раз видел этот сон. Нет, не чужой. Скажу еще более непонятно — из очень далекой жизни...

Да, телефон... Звонит до сих пор. Зараза!

Я все-таки встряхнулся. Снял трубку. И вздрогнул от мощи незнакомого голоса, напористо зазвучавшего в самое ухо:

— Здравствуйте! Я государственный нотариус города Скальска Максим Евгеньевич Храпов!

Громко, раскатисто, с вибрирующей оперной баритональностью. Голосище, однако.

— Рад за вас, — буркнул я.

— Что вы говорите?

— Говорю, вам повезло в жизни.

— Ага... — озадачился голос, чуть сбавив громкость.

Между делом я глянул на часы и обнаружил, что всего полвосьмого утра. Может, и не так уж повезло, если он вынужден работать в такую рань.

— Ага... Я извиняюсь, это Альберт Петрович Обрезков? — зашел баритон с другой стороны.

— Он, — не стал отпираться я. И, в свою очередь, поинтересовался: — Я извиняюсь, Скальск — это...

— Город, — строго пояснили мне. — Районный центр Скальского района Тверской области.

Ну да, конечно. Как можно не знать этакий весь из себя райцентр? — подумал я. Добавил примирительно:

— Красивый город. Наверное.

— Ага... — не смягчился голос. — Должен вам сообщить, что в моем ведении находится дело о наследстве господина Скворцова. По завещанию усопшего... — небольшая пауза, подчеркивающая приличествующий случаю драматизм, — вы объявлены единственным наследником покойного!

— Кого? — опешил я.

— Покойного, — повторил баритон. — Господина Скворцова Николая Николаевича. Безвременно усопшего пять дней назад.

Я молчал. Знать бы еще, кто такой господин Скворцов, он же — Николай Николаевич. Кстати, уже покойный. Усопший. Безвременно. Вот такие завершающие штрихи к портрету...

— Алло! Альберт Петрович, вы меня слышите?

— Да-да, слышу.

— Куда-то вы пропадаете.

— Я не пропадаю, я думаю... И большое наследство?

— Не очень, — честно признался нотариус Храпов. — Дом, участок, хозяйственные постройки, счет в сберегательном банке на 54 тысячи рублей 78 копеек. Думаю, что для вас, столичного жителя, — совсем не большое. (Явный укол.) У нас здесь дома-то стоят не то что у вас, в Москве. Впрочем, вы можете отказаться. Согласно законодательству, ничто не обязывает гражданина принимать на себя права и обязанности наследника, если он того не желает.

Мне послышалось или здесь прозвучал совет?

— Нет, почему же сразу отказаться! — взволновался я. — Я же не отказываюсь, я просто... думаю! Еще никогда, знаете ли, не получал наследства из Скальска. Вдруг это вообще станет хорошей традицией?

— Простите?

— Традицией города. В смысле, оставлять наследство Альберту Петровичу Обрезкову.

— Ага. — До него дошло, и баритон стал заметно суше. — Должен вас информировать, что для вступления в права наследника вам нужно прибыть в скальский нотариат №2, улица Марксистская, дом 6, часы работы с 9.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья. Перерыв на обед с часу до двух. Всего хорошего, Альберт Петрович! Надеюсь в скором времени увидеть вас у себя.

И тут повесил трубку, так и не узнав, что я горю не меньшим желанием. Увидеть и остальное.

А я горю?

Слушая короткие гудки, я все еще пытался сообразить, что бы это значило.

Чашка крепкого кофе помогла, наконец, проснуться. Вторая, уверен, помогла бы еще лучше, но телефон опять зазвонил.

Я уж было решил, что шутка получилась пророческой и наследодатели неизвестного Скальска всерьез засучили рукава над бумагами в мою пользу. Но это оказалась Аська, шеф отдела текстовых материалов нашей рекламной конторы. Хлопотливый зайчик с двумя детьми и тремя разводами за плечами.

Мы подружились с первых дней моей работы на поприще рекламной журналистики и однажды, после особенно лихого корпоратива, чуть не додружились до совместной постели. Но — Бог помиловал, черт отвлекся, и наша чистая дружба так и не взбаламутилась отношениями. Остается добавить — к счастью. Спать с начальством, знаете ли, пахнет беспринципным карьеризмом.

— Алик, ты уже проснулся? — поинтересовалось начальство.

— Наполовину.

— Я слышала, ты собираешься в Скальск?

— Ага... — протянул я, от растерянности скопировав нотариальные интонации. — Я тоже слышал. Буквально вот только что.

Нет, ну она-то откуда знает?

Впрочем, вклиниться с вопросами было не просто. Аська, золотое перо российской рекламы, не только пишет, как пулемет, но и общается скорострельными очередями. За считанные мгновенья я узнал, что от последней моей статьи о вакуумных

насосах заказчик писает кипятком и думает, не поднять ли цену на свой бесценный товар. А дети ее несравненные, эти цветы жизни с клыками в крови родителей, опять никого не слушают, маму ни в грош не ставят. Младший вчера во дворе кидался камнями и потом весь вечер доказывал, что делал это из чисто эстетических соображений. Вот такое продвинутое поколение растет: умные слова знают, а эстетика прежняя — камнем в лоб... И старший учудил — влюбился в девочку из соседнего подъезда и не придумал ничего лучшего, чем подарить ей свои новые ролики. С ума рехнуться — взял и подарил. Попросила, говорит! И как он будет жить дальше в наше меркантильное время? Нет, Алик, кто не имел детей, тот не знает, что такое счастье... Представляешь, выдворишь их из дома, в киношку какую-нибудь — и одна!.. Нормально, в общем, все как обычно, в нашем дурдоме процедуры по графику. Нет, в конторе ничего срочного, можешь пока не появляться, ода о превосходстве отечественной сантехники потребует через два-три дня, не забудь. Кстати, самое главное, Алик, чего я звоню-то... Чуть не забыла, хотя звоню именно поэтому. Тебе крупно повезло, дорогой, моя подруга Евгения как раз сегодня собирается ехать в Скальск. Она на машине, и совершенно не против взять попутчика. Представляешь, как удачно?

Я опять удивился. Такое выдалось утро — удивительное.

— Цени заботу, подчиненный!

— До гробовой доски, начальница! А подруга красивая? — не мог не поинтересоваться я. Хотя в голове вертелись совсем другие вопросы.

— Спрашиваешь! Почти как я в молодости. Только ты губы-то не раскатывай, губешки свои похотливые. Девушка замужем и вполне счастлива.

Я вздохнул. Подтвердил, что у красивых девушек почему-то часто встречается такой недостаток — замужество. Счастье, конечно, бывает гораздо реже. А как иначе, если локомотив семьи и брака без остановок пронесит их мимо станции «Тихая радость с дядей Аликом»?

Аська вредно хихикнула и назвала меня шалуном с простатитом. Пригрозила, что когда-нибудь она сама спрыгнет с поезда и узнает, так ли уж хорошо с дядей Аликом или это обычный рекламный ход по сбыту залежалого товара. А что касается Евы (предупреждаю, дорогой, она не терпит сокращение Женя, предпочитает — Ева, пес знает, почему), запомни, мой драгоценный, — козлийный скоч в ее сторону чреват обилием неприятностей. У нее муж — крутой мэн, работает в страшной конторе, которую лучше не упоминать всеу.

Я осведомился, не та ли это горячая точка, обитатели которой носят рога и цокают на копытах? Если так, то я пас, конечно, разумный человек и в гору не пойдет без нужды, и по наклонной плоскости без повода не покатится. Что до остального, к сведенью начальствующих особ, — препятствия лишь укрепляют большое и светлое, выводя его из голой физиологии на уровень сценического драматизма.

Аська в ответ посоветовала не трясти физиологией, если она дорога как память. А подруга Евгения-Ева, мол, подъедет к моему дому в течение часа. Адрес она ей дала, и та любезно согласилась подъехать. Жди у подъезда, граф Монте-Кристо, сокровища Скальска, считай, твои!

Она, по обыкновению, стремительно отключилась, а я остался при всех вопросах. От простых, основополагающих — что есть город Скальск? Кто есть Скворцов? — до более заковыристых на тему, что вообще происходит, люди добрые?

Может, хотя бы красивая и замужняя подруга Ева, которая не любит быть Женей, как-то прояснит ситуацию? С этими мыслями я принялся собираться.

* * *

История с непонятным наследством все-таки заставила меня окончательно проснуться — струя неожиданности бодрит не хуже холодного душа. Поэтому из подъезда я вышел в приподнятом настроении. Лихо закинул на плечо дорожный рюкзак, брякнувший мыльницей, тюбиком пасты и щеткой. Зубная паста — завтрак истинного туриста.

Город уже шумел, Москва вообще спит мало и нервно. Птичье щебетание в пыльной дворовой зелени безуспешно пыталось соперничать с гулом близкой автострады, солнце усиленно разогревалось в голубой вышине. Чистое утро обещало хороший день.

Огромный черный джип «мерседес» я засек сразу — машина не из тех, что примелькались в нашем демократичном дворе. Мотор работал — из выхлопной трубы еле заметно струился дымок. Одно из окон машины приоткрыто, оттуда тоже вился дымок, сигаретный. Окна были наглухо, с полным наплевательством на запрет, затонированы. Ну да, у нас же муж! Объялся груш в секретных садах конторы. Присмотреться поближе — и номерок на машине небось из тех, что не тормозят гаишники, подумал я.

На всякий случай я дал по двору неспешный прогулочный круг. А вдруг не та машина? Сунешься всей душой, а там реальные пацаны, злые, что с утра еще никого не убили.

Мои маневры вокруг да около не остались незамеченными. Задняя дверь приоткрылась.